

чаетъ, что его великодушіе тяжело женѣ, что окружающіе съ удивленіемъ посматриваютъ и чего-то ждутъ отъ него, онъ теряется и не знаетъ, что дѣлать. Желаніе жены получить разводъ, заставляетъ его дать свое согласіе, но онъ не можетъ понять, почему за его прощеніе, за его любовь къ больной и преступной женѣ и чужому ребенку, какъ бы въ награду за все это, онъ очутился одинъ, опозоренный, осмѣянный, никому не нужный и всѣми презираемый.

Въ особенности его мучитъ прощеніе, никому ненужное, и заботы о чужомъ ребенкѣ. Воспоминанія обо всемъ жжетъ его стыдомъ и раскаяніемъ, но онъ успокаиваетъ себя мыслю, что все сдѣланное имъ служило не для временной жизни, а для вѣчной.

Когда онъ узнаетъ, что его жена бросилась подъ поѣздъ, то беретъ себѣ ея дочь,—было ли это сердечной потребностью или имъ руководили религіозныя побужденія мы не знаемъ—авторъ объ этомъ ничего не говоритъ,—но по всей вѣроятности это было слѣдствіемъ хотя и далекой отъ жизни, но все-таки доброй натуры его.